

Харлампи́й Георгиевич ПОЛИТИДИС

14 июля 2020 г. мы отметили 80-летие выдающегося сухумчанина Харлампия Георгиевича Политидиса, борца за территориальную автономию греков в СССР, благодаря усилиям которого, делегацией греков Абхазии и поддержавших его делегатов Грузии, Казахстана и отчасти Российской Федерации, было принято подавляющим большинством решением о постановке перед высшими властями СССР вопроса об учреждении Греко-понтийской Автономной Советской Социалистической республики в Северо-Восточном Причерноморье.

В связи с этой знаменательной датой за выдающиеся заслуги в области борьбы за права греков в СССР и на постсоветском пространстве Президиум Всегреческого Сухумского Культурного Общества постановил внести имя Харлампия Георгиевича Политидиса в «Книгу Почетных, Знатных и Выдающихся греков Сухума и всей Абхазии».

Х.Г. Политидис дал интервью ведущему рубрики «Греческий Сухумский вестник» Георгиосу Григориадису.

Расскажите, пожалуйста, о вашем детстве и предках.

Родился я 14 июля 1940 года в городе Сухум. Первые два года школьного обучения проходили во второй средней школе им. Пушкина. Моими родителями были Георгий Константинович Политидис и Урания Харламбиевна Марантиди.

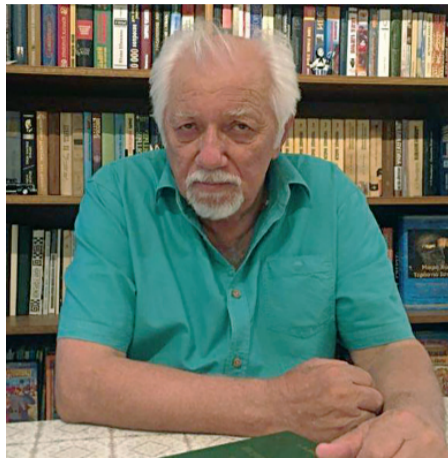
Дед со стороны отца - Константин Стамбулоглу, родом из Сурмена Понта переехал в г.Сухум Российской империи в 1890-х годах. Будучи большим патриотом, изменил фамилию, буквально перевел ее на греческий лад – на Политидис.

Приобрел в селе Михайловское (Кума) 200 десятин земли (218,18 гектаров), где семья занималась выращиванием табака.

На вырученные от его продажи деньги вскоре приобрел земельный участок во втором квартале от моря на улице Морская (ныне ул. Академика Сахарова, бывшая ул. Октябрьская, 20) и построил на нем 20-комнатный двухэтажный дом.

У него с женой Сталой было четверо сыновей (Полихрон, Стилиан, Николай и Георгий) и трое дочерей. Дочери, выйдя замуж, в 1930-х годах уехали в Грецию.

Каждый сын получил по 2 комнаты в большом доме. Многие комнаты сдавались. Квартиросъемщиками в основном были греки за исключением семьи перса Ма-

Харлампи́й Георгиевич Политидис

медова и его русской жены, которые свободно владели греческим языком, и супружеской пары одного мегрела и русской.

Также, семья приобрела на Георгиевской улице магазин.

Позднее, помимо своего табака, дополнительно также стали закупать табак и у других производителей и везли их на табачные рынки в Константинополь и Одессу.

Конкретно этим занимался Николай.

Имели много наемных работников. Характерно, что обедали все вместе.

Советская власть, установленная в 1921 г., заставила семью Политидисов добровольно подарить государству свой дом.

Дед со стороны матери Харлампи́й Гаврилович Марантиди из села Музена Понта в 1910 г. уехал в Сухум и открыл пекарню, но вернулся домой в Музене. А в 1914 г. забрал семью и перевез ее сюда.

Знаменитая пекарня Харлампия находилась на ул. Лорис-Меликовская (сегодня ул.Лакоба), где была остановка автобусов «Горсовет». Внутри двора он имел двухэтажный дом, а пекарня выходила на улицу. Сегодня на этом месте стоит огромное здание Российского посольства.

Харлампи́й Марантиди был известнейшим во всем восточном Причерномо-

Георгий Константинович Политидис

Издается при поддержке:

Центра исследований истории и культуры сухумских греков «ДИОСКУРЫ» (Греция)

Всегреческого Сухумского Культурного Общества им Т.Г. Поповиди (Греция)

Портала APSNY.RU (Абхазия)

рье от Батума до Севастополя хлебопекарем, владельцем собственной пекарни, который почти по-родственному относился к своим работникам.

Но после прихода советской власти в Абхазии пекарня была экспроприирована. Тем не менее, руководитель Абхазии Нестор Лакоба, «кофос» (глуховатый), как любовно называли его греки, назначил деда директором его же пекарни, однако его бывшие работники, уже отравленные большевистской пропагандой диктатуры пролетариата, опять-таки почти все греки (которых он десятилетиями кормил и окрестил многих их отпрысков), вскоре начали его оскорблять (что стало модным), дескать пришло наше время. Сердце деда не выдержало, он скончался от инфаркта в возрасте 54 лет и унес с собою секрет производства «ХЛЕБА ХАРЛАМПИЯ», большая округлая буханка которого, даже через месяц после выпечки от спокойного нажатия от вершка до основания, затем легко возвращала свою первоначальную форму.

Фелюги рыбаков из северного Причерноморья закупали целыми мешками тот замечательный хлеб, о чем живописал известный сухумский прозаик Роман Петрозашвили в своем рассказе «ХЛЕБ ХАРЛАМПИЯ».

Насколько я понимаю, Вам было 9 лет, когда Вас и всю Вашу семью выслали в Казахстан. Расскажите, как все происходило.

В тот июньский день 1949 года мне почему-то захотелось порыбачить (хотя увлеченным рыболовом я никогда не был и не стал) и я направился к большому причалу. Вскоре после того, как я забросил удочку, на нее что-то зацепилось, мне пришлось активно вытягивать леску. Прижав крючок почти к себе впритык, я увидел, что подцепил громадного краба. Тогда же впервые обнаружил, что уже в девятилетнем возрасте я стал близоруким. Вдруг со стороны улицы Карла Либкнехта (ныне ул. Академика Сахарова) несется возглас соседского парня – Юры Харчилава, Гарри, ты где, вас выселяют, мама твоя плачет, немедленно беги домой.

На самом деле мое имя Харлампи́й, которым родители нарекли меня в честь деда с материнской стороны, Харлампия Марантиди, упомянутого выше.

Наш дедовский дом (Константина Политидиса) №20 с обширным двором по ул. К.Либкнехта располагался во втором от моря квартале.

Примчавшись домой, я во дворе обнаружил огромный американский грузовик «студбекер», вооруженных винтовками со штыками солдат и офицера, который командовал бабушке побыстрее погружать пожитки весом не более ста пятидесяти килограмм, маму, которая разрыдалась увидев меня, насупившуюся сестру Стеллу и, словно окаменевшего, огромного отца, на которого с опаской оглядывался офицер.

Наши пожитки и нас вместе с пятеркой солдат быстро погрузили в кузов, офицер сел в кабину, и мы поехали в сторону железнодорожной платформы Синоп, где стоял огромный товарный эшелон, и нам приказали погрузиться в вагон с двухъярусными нарами... где-то в середине состава.

К ночи поток «студбекеров» с людьми увеличился. Людей в вагонах-теплушках размещали до утра и следующим днем, где-то в 11 часов, эшелон двинулся в двухнедельное «туристическое» путешествие в Казахстан...

В наш вагон втиснули более 60 человек, что было чудовищно много, возле двери, сбоку в днище кто-то вырубил дыру, которую огородили тканевой занавесью, оборудовав подобие туалета. Примерно половину «пассажиров»

ГРЕЧЕСКИЙ СУХУМСКИЙ ВЪСТЯКЪ

Ведущий рубрики и автор статьи: **#142**

Георгиос Григориадис

исследователь-сухумовед,
e-mail: elsuhum@yahoo.com

Спонсор проекта:

Туристическая компания RELBIS TRAVEL

Туры и авиабилеты по всему миру,
экскурсии и отели по Греции

тел.: +30 210-32-10-322, моб.+30 698-21-271-58

составляли мы, дети... Нам было очень интересно смотреть в открытые двери, состав двигался довольно медленно, встречающиеся по пути города и поселки практически сплошняком представляли собой разрушенные войной здания, огромное впечатление произвела гигантская русская река Волга и Сталинград – сплошные развалины.

Интересная деталь, до Сталинграда нас сопровождали «энкаведешники» (аналог КГБ) грузинской национальности, довольно веселые и лояльные ребята, которые организованно осуществляли кормежку людей, в основном кашами.

Наутро мы обнаружили, что грузины исчезли, но появилась суровая русская «охрана», которая, несмотря на очень жаркую погоду, требовала держать окна и двери закрытыми, а на возмущение людей бесчувственно отвечала – не положено.

Я обратил внимание, что многие в нашем вагоне обсуждали, в каком месте в Греции стоит поселиться (их уговорили к добровольной депортации лживым посулом отправки в Грецию), иные рассуждали, отчего в Элладу везут поездом, что проще было бы морем, другие «умники» отвечали, что, дескать, Турция не позволяет перебрасывать греческую людскую массу через Босфор, поэтому нас везут окружным путем через Персию (Иран). Где-то к концу второй недели появились слухи, что нас везут в город Кзыл-Орда, и в моем мозгу немедленно возникла ассоциация горной ягоды кизила и очень захотелось отведать... вообще фруктов. Каково же было мое разочарование, когда по прибытию в «благословенную» Кзыл-Орду, я спросил отца, почему нам не дают кизил, он мрачно ответил, что теперь нам надо быть терпеливыми потому, что фруктов здесь вообще нет, только арбузы и дыни.

Далее эшелон прокатили еще около ста километров, и поезд остановился буквально в пустыне, на полустанке, где стояли четыре, ну, очень длинных, метров на двести глинобитных барака и водонапорная башня, а также жалкий «клуб». Как потом оказалось, здесь до нас «проживали» японские военнопленные, а в полукилометре – поселок, состоящий из около пятидесяти юрт, в которых, как оказалось, проживала колония несчастных прокаженных. Не зная, чем характерна эта болезнь, мы почти месяц покупали у них молоко и кумыс, у людей, изуродованных лепрой, буквально гниющих, с провалами вместо носа и обрубками конечностей, в большинстве своем казахской национальности. Наши простодушные люди поначалу думали, что здешние люди все имеют такой уродливый облик. Но именно здесь произошел взрыв всенародного негодования, ибо многие, а точнее большинство наших были убеждены, что их везут (повторяюсь) окружным путем в благословенную Элладу...

Именно таким обманом «энкаведешникам» удалось мирно вывести жителей горных сел из их неприступных гнезд, где практически у каждого имелись... и охотничьи ружья.

Прибывшие из Кзыл-Орды работники МГБ (Министерство Государственной Безопасности), почти все казахской на-

Урания Харламбиевна

циональности, вместе с руководством местного МВД и большим числом милиционеров (почти все – казахи) начали требовать выйти из вагонов и поселиться в бараках.

Очень быстро, почти стихийно, был образован наш Комитет, который принял решение категорически не выходить из вагонов и требовать продолжить путь через Персию на Балканы в Грецию. Изумленные казахи попробовали применить силу. Наши их немедленно вышвырнули из вагонов и начали преследовать по песку вплоть до поселка прокаженных. Нашими была захвачена водонапорная башня и твердо удерживалась потому, что в пустыне, пресная вода – главный, основополагающий ресурс выживания.

Как сейчас помню, в ходе этого первого сражения мы, дети, вырвались далеко вперед и почти догнали стремительно убегающих милиционеров, возле клуба нагнали одного из них, он был при оружии и направил наган прямо на меня (я бегло говорил по-русски, но почти все дети говорили только на понтийском), я начал его просить, дядя не стреляй в меня.

Однако его злобный оскал и пальцы, возводившие курок к действию, предвещал иной для меня финал, но в самый последний момент сбоку его сшиб Рито Софианиди, один из наших руководителей, раздался выстрел в пустое пространство. Рито буквально втоптал милиционера в песок, затем отпустил, отобрав наган с патронами.

Мы вернулись в вагоны, а к вечеру наш Комитет принял весьма ошибочное решение идти в Грецию пешком.

Наутро более половины людской массы двинулись по путям железной дороги в сторону Туркестана в чудовищную жару, которая на солнце наверное значительно превышала отметку в 50 градусов по Цельсию.

В течении полутора суток изможденный народ возвращался обратно к своим вагонам, в том числе и потому, что в пути следования пресная вода полностью отсутствовала.

Утром третьего дня противостояния мы обнаружили, что весь эшелон окружен войсками, на барханах оборудованы пулеметные расчеты, доступ к водонапорной башне перекрыт, и каждый вагон получил доступ к воде только через выделенного водоноса. Разнеслась весть, что командует войсками генерал Трусов, небольшого росточка полный человек, который в сопровождении пятерых охранников входил в каждый вагон и объяснял, что Советское Правительство обращается к людям с просьбой отстроить гидроузел, находящейся в двадцати километрах на реке Сырдарья, после чего все, кто пожелает, отправятся в Грецию

Поскольку люди практически не знали русского языка, тут же появился переводчик из числа наших «добровольцев», который переводил генерала.

Понятно, что генералы привыкли приказывать, но не агитировать. Где-то через пять вагонов он продолжил нетерпеливо уговаривать людей, широко размахивая руками, и случайно ударил женщину в лицо. Обозлившись, стоящий рядом ее муж одним ударом нокаутировал генерала, охрана открыла стрельбу, кто-то из наших крикнул «фанатос» (смерть), всколыхнувшаяся людская масса с всеобщим криком «фанатос» бросились на солдат. Как и в первый раз, мы, дети, оказались в гуще событий, отчетливо помню, что солдаты отбежав на 30-50 метров кричали – стойте товарищи, будем стрелять - и опять отбежали с призывом остановиться и стреляли в воздух. Послышался возглас, что кого-то из наших убили.

Но через какое-то время генерал Трусов пришел в себя и выстрелом из ракетницы приказал прекратить стрельбу.

Прошло более 71 года, до сих пор пытаюсь понять, почему нас всех тогда не перестреляли, в те суровые сталинско-бериевские годы.

Скорее всего потому, что большинство японцев уже были отправлены на родину, а для строительства Кызылординского гидроузла крайне нужна была дефицитная рабочая сила, ведь уже тогда было принято решение пустить воды Сырдарьи на обустройство рисовых чеков, чтобы страна обеспечивала себя собственным рисом.

Утром следующего дня все вагоны были отсоединены друг от друга и окружены солдатами, генерал Трусов приказал доставить к нему всех фронтовиков, членов Партии большевиков, колхозных бригадиров, агрономов, учителей, затем по громкоговорителю было объявлено, что если народ будет и далее не подчиняться его приказам, то свыше он получил предписание расстрелять на глазах у всех удерживаемых отцов, братьев, сыновей многих из наших, после чего первыми вышли из вагонов члены их семей, а затем, постепенно – все.

И началась наша жизнь ссыльных Кызыл-ординской области Казахстана. Взглядом из дней нынешних с изумлением констатирую удивительную расторопность советских властей по нашему обустройству. Буквально на глазах было побелено здание клуба, который переоборудовали под школу, были привезены парты и столы, открылись принудительные курсы по подготовке шоферов, трактористов, бульдозеристов, был открыт продовольственный магазин, в котором продавалась даже паюсная икра (отмечу, что по тем временам государственное снабжение продовольствием было значительно лучше, чем при Хрущеве и особенно при остро дефицитном режиме Брежнева), но при этом ощущался острый дефицит денег потому, что зарплаты были мизерными.